

Сергей ЗАЛЫГИН:

“Я пришел продолжить дело Твардовского”

“Новому миру” — 70 лет

С известным писателем, главным редактором журнала беседует корреспондент “Труда”

— Сергей Павлович, семидесятилетие — тот возраст, когда есть что вспомнить. Какие события, периоды в истории журнала представляются вам наиболее памятными?

— Во-первых, это сам факт основания “Нового мира”. Он родился и рос в очень суровое время, но и тогда, и потом вокруг него группировалась писательская, интеллектуальная элита. Имена авторов — Есенина и Горького, Пастернака и Алексея Толстого, Пильняка и Леонова, многих других — говорят сами за себя. Было такое выражение — “флагман советской литературы”. Оно по-своему вполне отражало суть деятельности и значение “Нового мира”. Сказалось, думаю, и то обстоятельство, что первым главным редактором был Луначарский — человек не столь уж ортодоксальный, очень образованный, творческий.

Другая яркая страница — период, когда журнал возглавлял Твардовский. Время хрущевской “оттепели”. Кстати, деятельность “Нового мира” и была одним из самых значительных конкретных проявлений “оттепели”. Писатели, публицисты, критики впервые заговорили об острых общественных вопросах — хоть и не в полный голос. Но после десятилетий “затяжки”, глухого молчания и это воспринималось как откровение. Кажется, вся страна читала и обсуждала солженицынский “Один день Ивана Денисовича”. И не только эту повесть. А мощное направление “деревенской прозы”, давшее такие блестящие имена, как Абрамов, Носов, Астафьев... А “военные” произведения Некрасова и Быкова, “городские” повести Трифонова, очерки Овечкина, Троепольского, Дороша, Тендрякова... Всего не перечислишь. Каждая такая публикация была — пусть и не всегда большим — шагом к гласности, помогала лучше понять наше прошлое и настоящее.

— Известно, что на пути к читателю многие новоявленные вещи с трудом и не без потерь проходили через цензурные барьеры. Завершающий этап этого противостояния совпал со временем перестройки, когда вы возглавили журнал.

— Я пришел в журнал, чтобы продолжить дело Твардовского, в том числе и его борьбу с цензурой. Конечно, общественно-политическая ситуация была иной — был объявлен курс на гласность, — но тем не менее борьба шла острая. Часть тиража с Нобелевской лекцией Солженицына была пущена под нож. Только по поводу “Архипелага ГУЛАГ” я несколько раз встречался с Горбачевым. Думаю, если бы он этот вопрос решал один, то публикация состоялась бы раньше. Но в ЦК существовало и другое мнение: надо двигаться не спеша — сначала опубликовать “Раковый корпус”, “В круге первом”... Однако непоколебимую позицию занял Солженицын. Я ездил к нему в Вермонт. “Ворота надо распахивать сразу”, — говорил он. И в конечном счете оказался прав: выход “Архипелага” стал одновременно и концом цензуры.

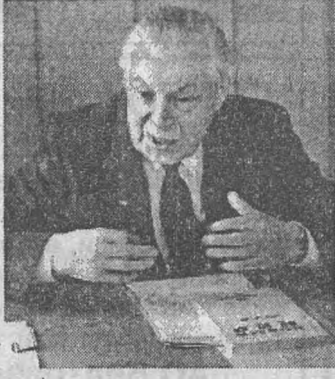
— Однако этой, может быть, главной публикации предшествовали или “сопутствовали” и другие, очень заметные: запрещенные ранее произведения Набокова, Платонова, Пастернака, Домбровского, Шаламова, Тендрякова, острые современные вещи Астафьева, Кима, Кураева, Каледина...

— Каждая из этих публикаций была действительно событием, имевшим обширный резонанс. Не менее важным я считаю появление на наших страницах таких вещей, как “Чернобыльская тетрадь” Григория Медведева, серии статей по экологии. Тогда под напором общественного мнения, нашедшего отражение и в “Новом мире”, был приостановлен самоубийственный “проект века” — проект переброски стока северных рек на юг.

Но это борьба “против”. А что “за”? Мы были за переход от административно-командной системы к демократии, к рыночной экономике. Об этом говорилось в работах Шмелева, Селюнина, Клямкина. Эти идеи опять-таки восприняла весьма широкая аудитория.

— Сергей Павлович, наверное, можно сказать, что “Новый мир” стал в каком-то смысле вашей судьбой. Но ведь с чего-то все начиналось. Однажды вы принесли сюда рукопись...

— Не принес, а прислал из Омска, где тогда жил. Было это в 1952 году. Рассказ “Второе действие” — о школьном самодеятельном спектакле, где мальчик, изображавший волка, неожиданно для всех со сцены заявляет, что он не будет есть Красную Шапочку. Вещь, откровенно сказать, слабая, сентиментальная. Но то ли время было такое, то ли иные обстоятельства сыграли роль, но что-то задело в нем Александра Трифоновича. И я получил телеграмму: “Печатаем в ближайшем номере. Шлите новые рассказы. С приветом — Твардовский”. Потом мы много раз встречались — и в Москве, и в Новосибирске, куда однажды Твардовский приехал с тремя членами редколлегии журнала. Тогда же, помню, он уговорил меня пойти вместе с ним к секретарю обкома. Александр Трифонович был членом ревизионной комиссии ЦК, и визит этот был частью “протокола”. Любопытный был разговор. Запомнилось, как секретарь спрашивал Твардовского, почему он остановился в гостинице, а не в обкомовской резиденции, где он питается... Александр Трифонович отвечал, что в резиденции не захотел

жить, так как туда не пустили бы его товарищей, что обедают они на вокзале. “А почему не в обкомовской столовой?” — “Да там скучно. А на вокзале — интересно. Там всякого слушаешься”. — “И что же говорят?” — “Да, знаете, все больше матерят советскую власть. Но, учтите, так это делают, что невозможно поймать на слове и посадить...”.

— В редакционной статье юбилейного, первого в этом году номера говорится, в частности, что сегодня “Новый мир” занимает либерально-консервативную позицию. Читатели же за последние десятилетия привыкли воспринимать журнал как издание едва ли не радикальное, впитывающее самые новые веяния. Не противоречит ли нынешний курс традициям?

— И раньше журнал поддерживал отнюдь не все новые веяния — он отличался разборчивостью. Главным всегда был высокий уровень литературы и — шире — культуры. В этом смысле был и определенный консерватизм, то есть стремление к сохранению, сбережению культурных ценностей, культурного уровня и традиций. Особенно это актуально сегодня, когда важно уберечь общество от распада, обращаясь к нему опять-таки через культурные ценности. Так что здесь не противоречие, а скорее желание соответствовать задачам времени. Некоторые из этих проблем мы пытались в меру сил выявлять, решать, например, в серии материалов “Культура и религия”, где было дано слово представителям разных конфессий. Готовим ряд публикаций по разделу “Культура, философия, наука”. Существенно, что в отличие от большинства “толстых” журналов мы не сократили объемы разделов критики, публицистики.

— А какой прозой порадует журнал читателей?

— Обещали свои романы, повести, рассказы Богомолов, Маканин, Петрушевская, продолжим публиковать талантливых молодых авторов. Как прозаик выступит у нас Иосиф Бродский. В майский номер обещал свои новые рассказы Солженицын. Ждем третью книгу романа Виктора Астафьева “Прокляты и убиты”.

— А прозаик Залыгин?

— Написал эссе “Два провозвестника”, где сопоставляются два типа мышления — радикальный и тот, которому свойственны бесконечные сомнения. Герои несколько неожиданные — Ленин и Достоевский. Закончил также небольшую повесть, в значительной степени документальную. Я не могу быть только редактором...

— Сергей Павлович, мы говорим в основном о творчестве. Надеюсь, вы избавлены от того, что волнует сегодня чуть ли не всех: как выжить?

— Да что вы говорите! “Новый мир” балансирует на грани жизни и смерти...

— Смерти? Ведь журнал финансируется акционерным обществом “Банк “Санкт-Петербург”...

— Спасибо ему огромное. Как и, скажем, газете “Деловой мир”, которая дает премии нашим авторам. Однако этих средств, а также того, что выделяет Роскомпечать, не хватает и на выпуск полугодового комплекта журнала. В какой-то момент все может кончиться...

— Сергей Павлович, я не могу — потому что не верю в возможность конца — поддержать вашу пессимистическую ноту. Давайте поставим вопрос иначе: откуда могла бы прийти поддержка? Допустим, в виде сюрприза к юбилею.

— Да откуда бы ни пришла, мы будем благодарны. Мы ведь не имеем и той поддержки, которую имеют другие журналы из иностранных источников. А в сущности речь идет об элементарных вещах. Вот мы написали письмо в администрацию президента о том, чтобы “Новый мир” приравняли к учреждениям культуры...

— А разве есть у кого-то сомнения по этому поводу?

— Все дело в том, что те, кто включен в официальный список учреждений культуры, пользуются определенными льготами в смысле налогообложения, приватизации помещений и т.д. Расширять этот список, видимо, никто не хочет, поэтому нас, например, удобнее числить по ведомству коммерческих структур. Вот почему и ответ мы получили бюрократически-формальный, маловразумительный. А речь идет не только о нашем, но и о других журналах.

— Может быть, таким образом власти заботятся о сохранении боевого духа “Нового мира”?

— Странная забота. В то время как наша забота — это духовное становление новой России. А боевых традиций у нас действительно хватает.

Беседу вел
Александр НЕВЕРОВ.
Фото Ильи МОРДВИНКИНА.